

Научная статья
УДК 94(470.313).083«1905/1907»
DOI 10.37724/RSU.2023.79.2.002

Крестьянское движение в годы Первой российской революции 1905–1907 годов: по материалам Рязанской губернии

Никита Сергеевич Ивахин

Школа № 1 имени В. П. Екимецкой;
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
Рязань, Россия
nik5016@mail.ru

Аннотация. В статье на материалах Государственного архива Рязанской области рассматриваются события Первой российской революции 1905–1907 годов и участие в них крестьян Рязанской губернии. В начале XX века крестьяне являлись самой многочисленной социальной группой. Долгое время в российской истории их права были значительно ограничены, а отмена крепостного права серьезно повлияла не только на социальный статус крестьян, но и на политическое развитие Российской империи, так как крестьянство становилось все более политически активной социальной группой. Возрастало недовольство политикой, проводимой правительством Николая II. Немаловажную роль в данный период сыграли сельские жители Рязанской губернии. В статье предпринята попытка дать полный анализ их участия в политической жизни Российской империи в период Первой российской революции. Для достижения данной цели автором проанализированы источники, хранящиеся в фондах Государственного архива Рязанской области. Следует отметить, что требования рязанских крестьян в период революции не носили сугубо экономический характер и нередко перерастали в политические требования и лозунги, содержащие идеи об изменении формы правления, о создании представительных органов власти и органов местного самоуправления. Автор приходит к выводу, что революция 1905–1907 годов значительным образом повлияла на мировоззрение людей, хотя в практическом смысле не оправдала ожиданий сельских жителей Рязанской губернии. Однако неудовлетворенность результатами Первой российской революции породила новые устремления, дала радикально настроенным силам пищу для размышлений в поисках новых рычагов давления на власть. Во многом благодаря пропаганде различных политических сил крестьяне включались в борьбу и становились верными союзниками рабочего класса в борьбе с самодержавием. Результаты исследования можно использовать в учебных курсах университетов, а также для дальнейших исследований.

Ключевые слова: Николай II, Первая российская революция, политические настроения, Рязанская губерния, сельские жители.

Для цитирования: Ивахин Н. С. Крестьянское движение в годы Первой российской революции 1905–1907 годов: по материалам Рязанской губернии // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 2 (79). С. 15–24. DOI: [10.37724/RSU.2023.79.2.002](https://doi.org/10.37724/RSU.2023.79.2.002).

Original article

Peasant movements during the First Russian Revolution (1905–1907), based on materials from Ryazan Governorate

Nikita Sergeevich Ivakhin

School no. 1 named after V. P. Yekimetskaya;
Ryazan State University named for S. Yesenin,
Ryazan, Russia
nik5016@mail.ru

Abstract. The article deals with the events of the First Russian Revolution of 1905–1907 and the participation of the peasants of the Ryazan Governorate, based on materials of the State Archive of the Ryazan Region. At the beginning of the 20th century, peasants featured as the largest social group in Russia. For a long time in Russian history, their rights had been limited, and the abolition of serfdom in 1861 seriously affected not only the peasant's social status, but also the political development of the Russian Empire, as the peasantry was increasingly getting more active as a political social group. Dissatisfaction with the policy pursued by the government of Nicholas II was growing. An important role in this period was played by the rural residents of the Ryazan Governorate. The paper attempts to give a full analysis of the peasants' participation in the political life of the Russian Empire during the First Russian Revolution. To achieve this goal, the author analyzes important sources of the State Archives of the Ryazan Region. It should be noted that the demands of Ryazan peasants during the period of the revolution were not purely economic in nature, as they often developed into political demands and embraced slogans containing ideas about changing the form of government, about creating representative bodies of power and local self-government bodies. The author comes to the conclusion that the revolution of 1905–1907 had a significant impact on the worldview of the population, although in a practical sense it did not live up to the expectations of the rural residents of the Ryazan Governorate. However, dissatisfaction with the results of the First Russian Revolution gave rise to new aspirations, and the more radical forces gained in finding new levers of pressure on the authorities. Largely due to the propaganda efforts of various political forces, the peasants joined the struggle and became loyal allies of the hired workers' class in their struggle against the autocracy. The results of the present study can be used in university history courses, as well as for further research of the issue.

Keywords: Nicholas II, First Russian Revolution, political moods, Ryazan Governorate, peasants.

For citation: Ivakhin N. S. Peasant movements during the First Russian Revolution (1905–1907), based on materials from Ryazan Governorate. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 2 (79):15–24. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.79.2.002.

Первая российская революция стала переломным моментом политической истории страны: изменилась форма правления, существовавшая не одно столетие. Безусловно, главной движущей силой революции стал пролетариат, однако крестьянство выступило непосредственным союзником рабочего класса и сыграло значительную роль в достижении политических и экономических целей. Наиболее важным для крестьян был аграрный вопрос. Существовал целый ряд нерешенных проблем: малоземелье, бедственное положение из-за выкупных платежей, высокая арендная цена и низкая оплата сельскохозяйственного труда помещиками, а также жестокость землевладельцев по отношению к крестьянам. Рязанская губерния входила в число регионов страны, особенно страдавших от малоземелья, так как почти 50 % земли здесь принадлежало помещикам, зажиточным крестьянам и государству [Маргулис, Лебедева, Тумаркина, с. 4]. В отдельных уездах Рязанской губернии крестьяне вынуждены были брать не полный надел в 3 десятины, а лишь четверть (так называемый «нищенский», или «кошачий» надел) из-за опасений окончательно попасть в кабалу, от которой старательно пытались избавиться уже долгое время. Беднякам ничего не оставалось, кроме как брать землю в аренду на невыгодных для себя условиях, поскольку было необходимо прокормить себя и семью. В докладах уездных приставов и исправников в годы революции отмечалась неоправданная жестокость помещиков в отношении крестьянства и их стремление к личной выгоде. Например, в Рязском уезде пристав сообщал, что помещик Кисловский каждый год «заключает для крестьян условия тяжелее и тяжелее, на что последние волей и неволей должны согласиться... Сам Кисловский, обладая характером нервным, вспыльчивым, дерзким, весьма грубо обращается с крестьянами, никаких возражений не терпит и подчас так забывается, что позволяет себе оскорблять крестьян действием» [ГАРО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 162. Л. 1–2] (речь шла о том, что помещик ударил крестьянина плетью). Один из очевидцев событий, Н. А. Брагин, вспоминал, что ему приходилось десятки раз видеть применение силы помещиком и что жить «под игом... больше нет сил» [цит. по: Маргулис, Лебедева, Тумаркина, с. 96–99]. Ситуация в некоторых уездах была настолько тяжелая, что, по сообщениям сельчан, «хлеба хватало до рождества», а дальше его приходилось брать у помещиков под заработок вдвое дешевле [Там же, с. 31–32].

В газете «Рязанский вестник» от 12 ноября 1905 года рассказывалось о тяжелейшем положении крестьян Пронского уезда, где по статистическим данным голод 1905 года значительно превзошел 1891 год. Несмотря на имеющиеся попытки исправить положение и уйти на заработки, корреспондент отмечал, что «заработка на месте нет», из-за чего некоторые сельчане были вынуждены вернуться обратно и готовиться провести зиму по 2–3 семьи в одном доме, продавая скот

для выручки хоть каких-то средств к существованию [Рязанский вестник, 1905]. Пронский исправник в конце ноября 1905 года докладывал губернатору В. А. Левашову, что «нет в уезде селения, в котором бы крестьяне не намеревались вырубить помещичий лес или разгромить усадьбы, в особенности в последнее время, когда в селениях начался наплыв мастеровых и другого рабочего люда из столиц, так как много фабрик и заводов закрыто» [ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 3718ОЦ. Л. 5–6]. Положение ухудшалось ввиду экономического кризиса, невысоких урожаев и Русско-японской войны 1904–1905 годов. Значительная часть сельских жителей выступала противниками данной войны, не понимая ее целей. Крестьяне заявляли, что страдают от нехватки площадей под работу, а территориальные присоединения России в ходе войн все равно уходят в пользу помещиков.

Учитывая вышеперечисленные экономические и политические факторы, которые привели к росту недовольства крестьян, можно отметить, что объективно готовилась почва для активного социального движения в губернии, а масло в огонь подливали революционные группы, которые хоть и делали ставку на рабочее движение, однако не списывали со счетов и крестьянство, надеясь успешно вести свою пропаганду среди сельского населения.

Многие крестьяне уходили на работу в крупные промышленные центры, где черпали революционные идеи, а по возвращении с заработков зачастую сами становились пропагандистами среди местного населения, действовали не только словом, но и делом: раздавали листовки, устраивали собрания, где обсуждали важнейшие вопросы землепользования. Революционные листовки распространялись в большом количестве, что подтверждает донесение рязанского губернатора министру внутренних дел от 30 августа 1906 года: «... Несмотря на крайнее напряжение полиции, пресечь их [прокламации] распространение в крайней степени трудно...» [Дубровский, Граве, 1925, с. 407–408]. С возвращением отходников из городов распространялись слухи о всеобщем переделе земли и о ликвидации помещичьих угодий в пользу сельского населения. Это в значительной степени влияло на общественно-политические настроения.

За время революции 1905–1907 годов в Рязанской губернии произошло более 515 выступлений [Попов, 1954, с. 136–164]. Главным очагом крестьянского движения стали южные уезды губернии (Данковский, Раненбургский, Ряжский и Сапожковский) [История Рязанского края ... , 2007, ч. 2, гл. 7]. Наиболее активным крестьянское движение в Рязанской губернии было летом 1906 года, превысив показатель первой волны (осень 1905 года) по количеству выступлений более чем в 3 раза.

Предпосылки к нарастанию революционности во взглядах молодого поколения наметились уже после издания Манифеста 17 октября 1905 года. В своих показаниях крестьянин села Луховицы, сельский староста Е. Креслин, говорил о том, что после Манифеста настроение крестьян «стало крайне напряженное и приподнятое». Сельская молодежь собиралась в основном в ночное время в трактирах и обсуждала политические вопросы: о землепользовании, налогах, воинской повинности, о власти и своем отношении к правительству. На таких собраниях активно распространялись прокламации, а владельцы питейных заведений зачастую сами были не прочь поговорить с крестьянами на политические темы [Аграрное движение 1905–1907 годов ... , 1936, с. 109–110].

Одним из первых свидетельств роста революционного движения в Рязанской губернии стал рапорт скопинского исправника губернатору, в котором отмечалось, что существует «брожение» (пока — не острого характера), из-за чего изъятие революционной литературы не будет иметь существенного значения в противовес нарастающему движению [Маргулис, Лебедева, Тумаркина, 1960, с. 30–31]. После событий января 1905 года участились случаи неповиновения на местах среди сельского населения, люди все чаще начинали говорить о скорой абсолютной свободе. Земский начальник 1-го участка Рязанского уезда доносил губернатору, что многие «убедились... что насилием можно подавить всякую власть и возможно настоять на исполнении всех своих требований», и настало время, когда можно «не считаться ни с властью старосты и старшины, ни с властью полиции и даже земским начальником» [Маргулис, Лебедева, Тумаркина, 1960, с. 35].

Особая опасность исходила от соседних южных губерний, что могло спровоцировать новую волну крестьянского движения и в Рязанской губернии. Так, например, исследователь В. Б. Безгин сообщает, что к осени 1905 года крестьянское движение в Тамбовской губернии достигло наивысшего накала, причиной которому стало бедственное положение населения [Безгин, 2017, с. 21–22]. Данные по соседней губернии очень показательны, так как можно проследить аналогичные всплески крестьянского движения в Рязанской губернии, особенно в ее южных уездах, непосредственно прилегающих к Тамбовской земле. Ввиду данных опасений губернатор С. Д. Ржевский писал министру внутренних дел, что в губернии существует недостаток войск для подавления возможных будущих выступлений: «В моем распоряжении на всю губернию остается лишь одна сотня казаков» [цит. по: Маргулис, Лебедева, Тумаркина, 1960, с. 81–82]. Основной мыслью в донесении была просьба

губернатора прислать дополнительные силы, которые без труда смогут остановить дальнейшие выступления крестьян, поскольку при отсутствии таких сил порядку в губернии «грозит большая опасность» [цит. по: Там же].

Наиболее распространенной формой протеста крестьян в 1905 году становится покушение на частную собственность помещиков. Известно 48 случаев вырубki помещичьего леса (только в Пронском уезде за ноябрь 1905 года произошло 12 случаев) [ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 3718ОЦ. Л. 5–6] и потравы лугов, а также 44 эпизода поджогов помещичьих имений. В ситуации с вырубкой леса крестьяне при разговорах с властями откровенно заявляли, что кражу леса производят исключительно из нужды ввиду полного отсутствия ресурсов и «не ручаются сами, что кража леса прекратится совсем» [ГАРО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 162. Л. 7]. Более того, крестьяне иногда открыто предупреждали о будущих возможных преступлениях и хищениях не только леса, но и продовольствия, если им не окажут помощь. Поводом к подобным действиям очень часто служили известия о беспорядках в крупных городах (в первую очередь в Москве и Санкт-Петербурге) и о том, что подобные преступления против помещичьей собственности можно совершать безнаказанно. В Спасском уезде крестьяне также прямо заявляли, что предстоящей весной (1906 года) будут пахать землю и косить луга помещиков, так как те требуют очень высокую цену за землю, поэтому ничего другого крестьянам не остается, кроме как самовольно обрабатывать присвоенные себе земли [Там же, л. 44]. Отсюда можно сделать вывод, что большинство противоправных действий совершалось крестьянами не из-за активной пропаганды против царской власти и желания свергнуть существующий режим, а из-за тяжелого экономического положения, необходимости найти средства к существованию. Правда, не всегда мотивы сельских жителей ограничивались нуждой. Часто наряду с экономическими требованиями выдвигались и политические.

Большой интерес представляет приговор сельского схода села Федотьево Спасского уезда от 21 ноября 1905 года. Крестьяне выражали недовольство тем, что в Государственной думе продолжали находиться чиновники, от которых не было пользы для народа, а также критиковали закон о так называемой «булыгинской думе», придя к выводу, что необходимо провести всеобщие демократические равные и прямые выборы в парламент, причем участвовать в выборах должны как женщины, так и мужчины старше 20 лет. Таким образом, жители Федотьева выступили крайне радикально, обозначив лишь возрастной избирательный ценз [Маргулис, Лебедева, Тумаркина, 1960, с. 84–86]. Приговор был составлен, вероятнее всего, под влиянием революционного Всероссийского крестьянского союза, что отражено в документе. Подписавшие бумагу крестьяне поясняли, что присоединились к приговору из-за «наших земельных нужд» [Там же].

С похожими требованиями о демократизации на сельском сходе выступили крестьяне села Аграфенина Пустынь, заявив о необходимости уравнивания крестьян в правах со всем остальным населением России, а также о введении полного самоуправления в местных делах без участия высших органов власти. Агропустынцы (в настоящее время село носит название Агро-Пустынь) выражали надежду, что данные требования претворит в жизнь Учредительное собрание, составленное из народных представителей, которые будут избраны на прямых, равных, свободных выборах при тайном голосовании [ГАРО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 1912. Л. 425–426]. Данный документ почти полностью повторял черновой текст приговора, обнаруженного при обыске у учителя Аграфениной Пустыни Митина. Сам Митин активно побуждал крестьян вступать во Всероссийский крестьянский союз, часто собирал сходки в здании школы, а при обыске жандармерией у него были найдены материалы социал-демократической литературы, что характеризует Митина как активного агитатора [Маргулис, Лебедева, Тумаркина, 1960, с. 120]. Нередко бунтовщики приказывали писать приговоры и собирали подписи, угрожая в случае отказа применить силу и даже убить [Там же, с. 90–91].

12 декабря 1905 года крестьянин-новобранец Шелонин в чайной общества трезвости города Пронска выступил перед собравшимися и заявил, что царь России не нужен и следует созвать Учредительное собрание, организовать народное правление и избрать президента [ГАРО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 1979. Л. 21–22].

В общем и целом на конец 1905 года рязанский губернатор С. Д. Ржевский сообщал министру внутренних дел П. Н. Дурново, что «аграрное движение в Рязанской губернии не достигло тех ужасающих размеров, какое оно приняло в некоторых других частях империи» [цит. по: Маргулис, Лебедева, Тумаркина, 1960, с. 81–82]. Данный факт подтверждает в своем донесении и начальник губернского жандармского управления: «В конце октября и в начале ноября крестьянское волнение и насилие в пределах Рязанской губернии не принимало острого характера»,

однако к концу ноября начало обретать «более опасный и обширный характер» [цит. по: Там же, с. 113]. Всего начальник управления выделил 15 крупных событий, связанных с волнениями сельского населения.

30 ноября 1905 года пронский исправник докладывал новому рязанскому губернатору В. А. Левашову, что «настроение умов крайне возбужденное». Крестьяне чувствовали себя довольно раскованно, полагая, что наступили времена, когда все равны. Особый интерес данный рапорт вызывает тем, что в нем приведена попытка объяснить подобные общественно-политические настроения крестьян. Чиновник выделяет шесть основных причин:

1. Уверенность крестьян в безнаказанности за свои поступки, так как судопроизводство осуществлялось крайне медленно.
2. Убежденность крестьян в том, что землевладельцы обязаны кормить их в голодный год.
3. Ложное понятие о дарованной свободе и заверения вернувшихся с заработков крестьян из столичных городов, что с объявлением свободы можно делать все, что угодно.
4. Ложные слухи среди крестьян о принадлежности земли тому, кто ее обрабатывает.
5. Деморализация сельских властей, которые не исполняли своих прямых обязанностей.
6. Малочисленность полиции и невозможность справиться с большим количеством происшествий [ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 3718ОЦ. Л. 5–6].

В ходе изучения значительного числа источников и документов по Первой русской революции необходимо отметить еще одну причину выступлений крестьян, которая занимает далеко не последнее место по важности, — это низкий уровень их правовой и политической культуры. Очень часто крестьяне воспринимали пропаганду за чистую монету, иногда даже полагая, что власть действительно издавала определенные законы. В 1906 году таким эпизодом стал аграрный вопрос, который обсуждался в период работы I Государственной думы Российской империи. Михайловский исправник доносил губернатору 3 июня 1906 года: «Это [возбужденное] настроение поднято газетными сообщениями по... вопросу об отчуждении частновладельческих земель, которые крестьяне понимают, как закон» [цит. по: Маргулис, Лебедева, Тумаркина, 1960, с. 157]. Нередко в донесениях можно было услышать об угрозах со стороны крестьян, среди которых самыми инициативными были отходники: «...особенно подговаривает толпу к насилию над представителями власти крестьянин Воробьев, только что прибывший из Санкт-Петербурга» [ГАРО. Ф. 1298. Оп. 2. Д. 421а. Л. 307–308].

Однако после выступлений в ноябре-декабре 1905 года установилось некоторое затишье. Вероятнее всего, это было связано с несколькими факторами: подавлением московского вооруженного восстания и распространением информации о том, что оно завершилось неудачей; осуществлением основных положений Манифеста 17 октября 1905 года и ожиданием предстоящих выборов; отсутствием успеха крестьянских выступлений, а где-то, наоборот, достижением договоренностей между помещиками и крестьянами. Исправник Раненбургского уезда сообщал следующее: «Население Раненбургского уезда после волнений и беспорядков в декабре [1905 года], в январе сего [1906] года значительно успокоилось и никаких нарушений против порядка и управления не замечалось...» [ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 3718ОЦ. Л. 16].

В 1906 году формы борьбы крестьян несколько изменились, при этом возросло само количество беспорядков, которые устраивали сельчане. Самой популярной формой являлись поджоги помещичьих имений и хлеба (171 случай); на втором месте по распространенности были уже забастовки крестьян и снятие крестьянами рабочих с помещичьих экономий (64 случая) [Попов, 1954, с. 136–164]. Даже не имея на руках достаточных доказательств, исправники зачастую выражали опасения по поводу возможных составленных крестьянскими сходами приговоров, решением которых становилась неявка на работу к помещикам. Все это было продиктовано надеждой повышения цен за крестьянскую работу.

Новый этап крестьянской борьбы против существующих порядков начался в июне 1906 года сразу в нескольких уездах: Данковском, Раненбургском, Рязском и Сапожковском. Территориально это самые южные уезды Рязанской губернии, которые прилегают к соседним губерниям — Тульской и Тамбовской, где также фиксировалось сильное аграрное движение. От южных уездов Рязанской губернии в некоторой степени новая волна движения распространилась на более северные районы [ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 3718ОЦ. Л. 18].

В 1906 году усилилась активность сельской молодежи: на сходах молодые люди выступали за равные выплаты волостного сбора независимо от социального статуса, голосовали за отстранение от должностей прежних старост и избирали тех, кто разделял революционные идеи и понимал несправедливость существующего положения. Например, в селе Новошино Егорьевского уезда

избранный на три года старостой И. А. Кузькин отказывался подчиниться распоряжению земского начальника и старшины о снятии его с данной должности. При попытке полиции арестовать «властолюбца» односельчане оказывали стихийное и бессистемное сопротивление, но в отношении властей настроения были однозначно негативные [Маргулис, Лебедева, Тумаркина, 1960, с. 42–43]. Острота положения усугублялась из-за расслоения самого крестьянства, и бедняки начинали выступать не только против помещиков, но и против зажиточных крестьян, споры с которыми возникали по вопросу земельной собственности. Раненбургский исправник в рапорте сообщал, что в селе Ляпуновка установились враждебные отношения между Труновым и Селезневым и остальной частью крестьян после того, как кулаки приобрели себе землю и не желали с ней расставаться [Там же, с. 55–56].

В «Рязанском вестнике» не без доли субъективизма очагом крестьянских волнений назывался Данковский уезд, потому что, по мнению автора статьи, именно здесь было сосредоточено большое количество полицейских и казаков (и далеко не безосновательно): «Повсюду рабочие сняты с помещичьих полей, повсюду работы в экономиях приостановлены; пар стоит непаханный, луга не скошены, а рабочая пора уже близка» [Рязанский вестник, 1906, № 177]. В противовес этой заметке из газеты губернатор В. А. Левашов докладывал министру внутренних дел П. А. Столыпину, что в губернии особых беспорядков нет. Нельзя в полной мере согласиться с информацией, представленной рязанским губернатором. В первую очередь подобная оценка ситуации была продиктована желанием показать себя хозяином положения, так как сил для установления контроля во всех уездах не хватало (как и в самый разгар беспорядков в 1905 году). Тем не менее губернатор все же заявлял, что настроение заставляло «постоянно опасаться проявления каких-либо вспышек» [цит. по: Маргулис, Лебедева, Тумаркина, 1960, с. 189]. Еще одно подтверждение нехватки людей для подавления беспорядков можно обнаружить в рапорте сапожковского исправника от 6 августа 1906 года. Начальник уездной полиции предупреждал, что беспорядки могут возникнуть, если вывести из его распоряжения 50 казаков, потому что в таком случае в подчинении останутся только стражники из местного населения — родственники жителей уезда [ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 37180Ц. Л. 113].

Представители власти отмечали, что сельские жители действовали уже не так прямолинейно, как в 1905 году. Исправник Пронского уезда охарактеризовал подконтрольное ему население как смелое, более разговорчивое, «в отношениях с помещиками... более вызывающее», однако и более скрытное, нежели ранее [цит. по: Маргулис, Лебедева, Тумаркина, 1960, с. 174–176]. Затянувшаяся борьба с помещиками вызывала сочувствие и у солдат, многие из которых выступали на тех же сельских сходах, где заверяли, что не будут слепо исполнять законы властей и не станут стрелять в крестьян, чтобы подавить их выступления, которые являются законными.

В своем отчете от 14 июня 1906 года губернатор докладывал министру внутренних дел об объезде забастовочных районов и разъяснительной работе в отношении сельского населения: «При этом я пояснял крестьянам незаконность составления приговоров и преступность насильственного снятия рабочих и указывал на то, как тяжело карает закон... за самовольное прекращение сельских работ...» [цит. по: Дубровский, Граве, 1925, с. 403–405]. С уверенностью можно заключить, что зависимость крестьянина от помещика сохранялась в значительной мере и говорить о развитии капиталистических отношений нельзя, так как принудительность труда оставалась одним из непреложных принципов сельскохозяйственных работ.

Совершая преступления и расхищая амбары, крестьяне даже не стремились пойти на мировую с властями, которые предлагали им прекратить беспорядки. Интересен случай в селе Братовка Раненбургского уезда. Крестьяне отказались возвращать хлеб помещику, аргументируя это тем, что им нечего есть и что они пошли на преступление исключительно из нужды, а оказаться в тюрьме они согласны, поскольку в таком случае хотя бы их семьи смогут поесть [Маргулис, Лебедева, Тумаркина, 1960, с. 51–52].

Революционные годы не обошлись и без жестоких расправ над крестьянами, хотя в большинстве случаев конфликты удавалось мирно урегулировать или довести дело до решения в судебном порядке. Так, например, в газете «Рязанский вестник» от 1 июня 1906 года сообщалось о жестоком подавлении казаками выступления в селе Чернава Скопинского уезда: «Казаки явились туда, и началась жестокая расправа... В результате — трое крестьян убито, один тяжело ранен, и масса иссечена и изувечена нагайками и шашками» [Рязанский вестник, 1906, № 149]. Причиной этого крестьянского выступления стали все те же проблемы малоземелья и высокой арендной платы, по которой помещик И. Н. Афанасов сдавал землю в пользование.

К концу лета 1906 года крестьянское движение пошло на спад. С одной стороны, это было вызвано подходящими к концу полевыми работами и активным сбором урожая, что должно было положительно сказаться на настроениях крестьян, а с другой стороны, свою роль сыграли политические события в Российской империи. 22 июля 1906 года (по новому стилю) была распущена I Государственная дума, однако среди сельского населения это не привело к росту революционного движения, даже наоборот: крестьяне стали сговорчивее и уступчивее [Маргулис, Лебедева, Тумаркина, 1960, с. 200–201]. Вероятно, революционные идеи, звучавшие от левых сил в Государственной думе, больше не доходили до населения, что заставило его успокоиться (по сравнению с периодом активной деятельности парламента). Новости и события, которые могли бы всколыхнуть крестьянство на очередную волну недовольства, также отсутствовали, хотя представители Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) пытались выставить прекращение деятельности парламентариев в самом негативном свете, а в листовках утверждали, что народу не нужна Дума, которая в своих действиях связана по рукам и ногам [ГАРО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 611]. В газете «Пролетарий» от 23 ноября 1906 года отмечалось, что роспуск Государственной думы сильно повлиял на крестьян: они перестали питать иллюзии о конституционном пути политического развития государства, активизировались обсуждения, касающиеся пагубности самодержавия, участились столкновения с властями. Стоит признать, что информационный повод был значительным, поэтому легко объяснима попытка левых сил сыграть на политических настроениях крестьянства [Сообщение о работе ... , 1906].

Во второй половине ноября 1906 года в южных уездах Рязанской губернии возросло количество пожаров, о которых доносил губернатор в Департамент полиции. В частности, в Раненбургском уезде произошло 8 крупных пожаров, все — в имениях дворян и купцов, причем глава губернии в качестве причин указывал умышленные поджоги со стороны крестьян [Дубровский, Граве, 1925, с. 411–412].

В 1907 году, по сравнению с 1906-м, революционное движение сильно ослабело. Пик правонарушений крестьянства приходился на июнь, как раз накануне окончания революции. Среди форм борьбы самой популярной стали поджоги помещичьих имений, а также вырубка леса и потравы лугов. Наиболее активными в революционном отношении были те же самые уезды, что и на протяжении всей революции: Данковский, Раненбургский, Рязский и Сапожковский.

Несмотря на значительное снижение революционного движения в России, 1907 год в Рязанской губернии был омрачен самой крупной расправой над крестьянами в селе Секирино Скопинского уезда. Данные начальника губернского жандармского управления Департамента полиции и корреспондента «Вольного экономического общества» сильно расходятся. Первый в рапорте докладывал о 4 убитых и 8 раненых, в то время как корреспондент писал о 8 убитых и 17 раненых [Маргулис, Лебедева, Тумаркина, 1960, с. 258–260].

Крестьянское движение продолжалось и после формального окончания революции — Третьеиюньского переворота, однако было уже не таким интенсивным. В сводных данных Вольного экономического общества о настроениях крестьян Рязанской губернии в 1907 году сообщалось следующее: «Движение продолжается... идет какая-то работа, которая прорывается в форме частых поджогов не только у помещиков, но и у своих односельчан. Есть стремление подвести все к одному знаменателю... уничтожить все лишнее у соседа побогаче... К богатым крестьянам отношение бедноты тоже злобное» [Аграрное движение в России ... , 1908, с. 69].

Даже если Первая русская революция не оправдала ожиданий населения, она значительным образом повлияла на мировоззрение людей. Сельские жители стали иначе относиться к собственности помещиков: она перестала быть для них неприкасаемой, революция взрастила в крестьянах семя свободы и потребность получить права на собственность, подтверждением чему были потравы лугов, вырубка лесов, расхищение амбаров. В воспоминаниях по прошествии 20 лет с момента начала революции социал-демократы отмечали, что работа в деревне прошла куда лучше, чем планировалось, а утверждения представителей революционного народничества 1860–1870-х годов о том, что марксисты ничего не смогут добиться в распространении революционных идей среди деревенских жителей, не оправдались, так как создавались многочисленные партийные кружки, которые активно вели свою работу и находили среди сельских жителей все больше сочувствующих идеям революции. Несмотря на то, что в официальных документах в основном упоминались происшествия, связанные с имущественными покушениями в отношении помещиков, за годы революции достаточно частым явлением были самовольные сходы и приговоры, отказы крестьян от уплаты налогов, от участия в земельных комиссиях, что относится к важным формам политической борьбы против высших слоев.

Образ русского крестьянина отлично изображен в статье газеты «Рязанский вестник» от 20 июня 1906 года. Автор статьи сообщал, что крестьяне села Новики составили приговор и отправили ходока донести принятое решение в Петербург. В Государственной думе это вызвало бурю эмоций, особенно на депутатов произвел впечатление внешний вид крестьянина: он пришел в старой изодранной сермяге, в лаптях и обыкновенной рваной крестьянской рубаше. Согласно описанию, представленному в газете, общее состояние посланца было утомленное. Автор статьи подытоживает: «В лице этого ходока перед депутатами предстал образ многострадальной Руси» [Рязанский вестник, 1906, № 168].

К выступлениям крестьян против помещиков, полицейских и чиновников можно добавить еще и выступления против традиционного института царской власти — церкви. Настоятель церкви села Климентовские Погосты В. Климентовский и дьякон А. Ансеров сообщали о том, что И. Назаров, церковный староста и крестьянин деревни Никитиной, пытался добиться отчуждения церковной земли. Такое агитирование возбуждало крестьян. Назаров рассылал повестки об устройстве общеприходского массового схода, в организации которого принимал активное участие, а также дал свое согласие на принятие денег от арендаторов за сено и на самоличную раздачу луговых угодий крестьянам [ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 4012. Л. 9–11]. Причт церкви в своем прошении господину начальнику Рязанской губернии сообщал о том, что «многие прихожане тяготились давлением агитаторов, толкающих их насильно угрозами на путь самоуправства... Были случаи насильственного привлечения к подписям под приговоры» [Там же, л. 14]. Из материалов дела видно, что революционеры и поддерживающие их крестьяне не испытывали личной неприязни к причту, скорее рассматривали его как представительство Русской православной церкви и выступали против церковного землевладения: «...Прошло время владению землею богатым, надо пользоваться и другим» [ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 4012. Л. 12–12 об.]. Крестьянин деревни Разбердьевой, А. Белкин, говорил это не о помещичьих, а именно о церковных землях. Забастовки, проводившиеся против духовенства, включали в себя как принуждения присоединяться к революционному движению, так и отказ на сходах от выплат в пользу церкви (консistorные взносы, платы за требы, хлебный сбор и др.).

Если говорить об авторитете царя, то с началом Первой российской революции он неуклонно падает. Крестьяне не стеснялись в уничижительных выражениях в адрес монарха, называя его Николка, Николашка, чертоватый. В Государственном архиве Рязанской области содержится полтора десятка дел, связанных с арестами крестьян из-за оскорблений в адрес царя и его семьи. Большинство из рассмотренных нами инцидентов происходило в питейных заведениях губернии. В прокламациях же революционеров царь предстает Кровавым. Касимовская группа РСДРП, описывая события 9 января 1905 года, известные как кровавое воскресенье, крайне нелицеприятно отзывалась об императоре: «Вечное проклятье и месть убийце детей — Николаю Кровавому!» [Маргулис, Лебедева, Тумаркина, 1960, с. 29–30].

Таким образом, главным фактором проявления революционного движения в регионе стали массовые аграрные волнения. Нельзя сказать, что революция 1905–1907 годов была вызвана исключительно тяжелым экономическим положением крестьян. К экономическим факторам крестьянского недовольства следует добавить и активную агитационную работу революционеров, стремившихся найти союзников в лице российского крестьянства. Низкая политическая и правовая грамотность крестьян не позволяет утверждать, что крестьяне сами выступали инициаторами, скорее, они были ведомыми (о чем свидетельствуют приведенные выше документы о сельских сходах или совершении правонарушений против помещичьих хозяйств).

На протяжении 1905–1907 годов произошло несколько сотен крестьянских выступлений. Они возникали в первую очередь в форме покушения на помещичью собственность. Агитационная деятельность революционеров позволила усилить интенсивность подобных выступлений, однако этого оказалось недостаточно, чтобы сделать Рязанскую губернию одним из центров революционных событий. Тем не менее Первая российская революция 1905–1907 годов в определенной степени пробудила некоторый интерес к политике у той части населения, которая совсем недавно была от нее очень далека.

Список источников

1. Аграрное движение 1905–1907 годов в Московской области : сб. док. — М. : Московский рабочий, 1936. — 220 с.
2. Аграрное движение в России в 1905–1906 гг. Обзоры по районам: Б. Б. Веселовского, В. С. Голубева, В. Г. Громана [и др.]. — СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1908. — 548 с.

3. Безгин В. Б. Погромное движение 1905–1907 гг. и повстанчество 1920–1922 гг. тамбовского крестьянства: общее и отличие // История: факты и символы. — 2017. — № 3 (12). — С. 20–27.
4. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). — Ф. 5. — Оп. 4. — Д. 3718ОЦ. — Л. 5–6, 16, 18, 113; Д. 4012. — Л. 9–11, 12–12 об., 14; Ф. 641. — Оп. 1. — Д. 1912. — Л. 425–426; Оп. 1. — Д. 1979. — Л. 21–22; Ф. 1292. — Оп. 1. — Д. 162. — Л. 1–2, 7, 44; Д. 611; Ф. 1298. — Оп. 2. — Д. 421а. — Л. 307–308.
5. Дубровский С., Граве Б. Аграрное движение в 1905–1907 гг. — М.; Л., 1925. — Т. 1. — 680 с.
6. История Рязанского края: 1778–2007 / под ред. П. В. Акульшина. — Рязань : Рязанская обл. тип., 2007. — URL : <https://www.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/e-learning/RyazanHistory/> (дата обращения: 12.09.2022).
7. Маргулис У. Л., Лебедева Г. В., Тумаркина Г. И. Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы первой русской революции: документы и материалы. — Рязань : Рязанское кн. изд-во, 1960. — 333 с.
8. Попов В. И. Крестьянское движение в Рязанской губернии в революции 1905–1907 гг. // Исторические записки. — 1954. — Т. 49. — С. 136–164.
9. Рязанский вестник. — 1905. — № 130, 12 нояб. ; 1906. — № 149, 1 июня ; № 168, 20 июня ; № 177, 29 июня.
10. Сообщение о работе касимовской социал-демократической группы среди рабочих и крестьян // Пролетарий. — 1906. — № 8, 23 нояб.

References

1. *Agrarnoye dvizheniye 1905–1907 godov v Moskovskoy oblasti: sb. dok.* [Agrarian movement of 1905–1907 in the Moscow Region: sb. dok]. Moscow, Moskovsky Rabochiy Publ., 1936, 220 p. (In Russian).
2. *Agrarnoye dvizheniye v Rossii v 1905–1906 gg. Obzory po rayonam: B. B. Veselovsky, V. S. Golubev, V. G. Groman [i dr.].* [Agrarian movements in Russia in 1905–1906. Surveys by districts: B. B. Veselovsky, V. S. Golubev, V. G. Groman [and others]. St. Petersburg, Obshchesatvennaya Polza Publ., 1908, 548 p. (In Russian).
3. Bezgin V. B. Pogrom Movement in 1905–1907 and Uprisings of Tambov Peasantry in 1920–1922: things in common and differences. *Istoriya: fakty i simvoly* [History: facts and symbols]. 2017, iss. 3 (12), pp. 20–27. (In Russian).
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Ryazanskoy oblasti (GARO)* [State archive of the Ryazan Region (GARO)]. F. 5. Op. 4. D. 3718OTS. L. 5–6, 16, 18, 113; D. 4012. L. 9–11, 12–12 ob., 14; F. 641. Op. 1. D. 1912. L. 425–426; Op. 1. D. 1979. L. 21–22; F. 1292. Op. 1. D. 162. L. 1–2, 7, 44; D. 611; F. 1298. Op. 2. D. 421a. L. 307–308. (In Russian).
5. Dubrovsky S., Grave B. *Agrarnoye dvizheniye v 1905–1907 gg.* [Agrarian Movements in 1905–1907]. Moscow, Leningrad, 1925, vol. 1, 680 p. (In Russian).
6. *Istoriya Ryazanskogo kraja: 1778–2007* [History of the Ryazan Territory: 1778–2007]. Ed. P. V. Akulshin. Ryazan, Ryazan Region Publ., 2007. Available at: <https://www.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/e-learning/RyazanHistory/> (accessed: 12.09.2022). (In Russian).
7. Margulis U. L., Lebedeva G. V., Tumarkina G. I. *Krestyanskoye dvizheniye v Ryazanskoy gubernii v gody pervoy russkoy revolyutsii: dokumenty i materialy* [Peasant movements in Ryazan Governorate during the first Russian revolution: documents and materials]. Ryazan, Ryazan Book Publ., 1960, 333 p. (In Russian).
8. Popov V. I. Peasant movement in the Ryazan province in the revolution of 1905–1907. *Istoricheskiye zapiski* [Historical notes]. 1954, vol. 49, pp. 136–164. (In Russian).
9. *Ryazanskiy vestnik* [Ryazan Bulletin]. 1905, iss. 130, Nov. 12; 1906, iss. 149, June 1; iss. 168, June 20; iss. 177, 29 June. (In Russian).
10. Report on the work of the Kasimov Social-Democratic Group among workers and peasants. *Proletary* [Proletarian], 1906, iss. 8, Nov. 23. (In Russian).

Информация об авторе

Ивахин Никита Сергеевич — учитель истории и обществознания школы № 1 имени В. П. Екимецкой, аспирант кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: политическая история России в конце XIX — начале XX века, крестьянство в XIX — начале XX века.

Information about the author

Ivakhin Nikita Sergeevich — teacher of history and social studies, school no. 1 named after V. P. Ekimetskaya, PhD student, Department of Russian History and Methods of Teaching History and Social Science, Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: political history of Russia in late 19th — early 20th centuries, peasantry in the 19th — early 20th centuries.

Статья поступила в редакцию 12.09.2022; принята к публикации 10.03.2023.

The article was submitted 12.09.2022; accepted for publication 10.03.2023.